

(4.29 линій) гладкая безъ поясковъ. Діаметръ пустоты 5 миллим. (2 линіи), глубина ея (15,8 миллим.—6.2 линіи). При такихъ размѣрахъ и примѣси 30% по вѣсу олова пуля вѣситъ 3 зол. 60 дол., т. е. около 15 граммъ. При обыкновенномъ боевомъ зарядѣ пѣхотной берданки, такая пуля имѣетъ начальную скорость около 1600 фут. въ секунду. Если же мы выкинемъ просальники и взамѣнъ ихъ всыплемъ въ гильзу еще около  $\frac{1}{4}$  золотника пороха, то скорость пули у дула дойдетъ до 1800 футовъ. Съ секунду такая пуля до 250 аршинъ дѣйствуетъ очень хорошо, но и при прибавкѣ олова лишь до 10—15% по вѣсу рвется въ тѣлѣ звѣря прекрасно.

С. Керцелли.

[Окончаніе слѣдуетъ].

## Нѣсколько словъ о финляндской \*) мифологіи.

Въ цѣляхъ изученія Русскаго Сѣвера намъ небезынтересно остановиться на его прошломъ, посмотрѣть какимъ образомъ, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, сложилась жизнь жителя этого однообразнаго, но въ то-же время и глубоко своеобразнаго края.

Возьмемъ для примѣра хотя бы прошлое карела, самаго первобытнаго обитателя нашего Сѣвера, — то самое отдаленное прошлое, когда онъ жилъ еще, можно сказать, жизнью дѣтски-поэтической. Какова же была эта жизнь и въ чемъ она выразилась? Лучшій отвѣтъ на это намъ можетъ дать только внимательное изученію нынѣшняго карела. Вглядитесь, въ самомъ дѣлѣ, въ его натуру — живую, впечатлительную, одаренную богатой организаціей, обратите вниманіе на его оригинальный складъ мыслей, разсмотрите его языкъ, пѣсни, вѣрованія, убѣжденія и вы безошибочно составите самое вѣрное понятіе о его прошломъ. Не поидемъ далеко за данными; разсмотримъ хотя бы только сборникъ знаменитыхъ финляндскихъ мифовъ „Kalevala“ (Калевала), собранный отцомъ финляндской литературы докторомъ Элиасъ Лёнротомъ.

Дѣйствительно „Kalevala“ — это такая цѣнность, которою Финляндія (говоря безъ преувеличенія) можетъ гордиться. Ни одинъ изъ современныхъ народовъ не сохранилъ своихъ мифовъ, кромѣ финновъ \*\*). И нужно отдать справедливость, что финская мифологія не уступаетъ мифологіи древне-греческой; напротивъ, по богатству и разнообразію мифовъ она даже выше послѣдней. Какъ въ чистомъ зеркалѣ отразились въ нихъ всѣ взгляды на жизнь и природу самаго первобытнаго человека, чѣмъ эти мифы и представляютъ захватывающій интересъ для каждаго образованнаго человека. Это не то, что наши русскія былины, которыя возникли гораздо позже и въ которыхъ въ фантастическихъ образахъ богатырей повѣствуется объ исторической были. Такъ, напримеръ, борьба Ильи Муромца „съ несмѣтною силою татарскою подъ Черниговымъ“, стоянье богатырей на заставѣ, борьба съ Жидовиномъ —

\*) Вѣрнѣе было бы сказать карельская мифологія, такъ какъ всѣ мифы, вошедшіе въ финскій сборникъ „Калевала“, собраны исключительно въ Карелии.

\*\*\*) Повторяемъ, финновъ-карель, а не собственно финновъ, подъ которыми мы подразумѣваемъ тапастовъ, жителей Саволакса и др.

все это отголоски той исторической эпохи, когда русскій народъ вель трудную, вѣковую борьбу съ насѣдавшими на него врагами—хозарами, половцами, печенѣгами, татарами и другими. Въ миоахъ же выражается взглядъ человѣка на мірозданіе: на возникновеніе воды, воздуха, суши, небесныхъ свѣтилъ, огня, грома и молніи, растеній и животныхъ; здѣсь же мы видимъ, какъ смотрѣлъ первобытный человѣкъ и на такія явленія, какъ напримѣръ, рожденіе и смерть, какія были у него семейныя обстоятельства и т. д. Но яснѣе всего въ „Калевалѣ“ отразилось отношеніе человѣка къ музыкѣ. Это видно уже изъ того, что главными героями миоовъ являются лица, обладающія не мужествомъ, не отвагой и не физической силой, какъ это бываетъ въ былинахъ,—а даромъ поэзіи. Такъ, когда Väinämöinen (Вэйнэмэйнепъ), главный герой „Kalevala“, поетъ и играетъ на кантэлэ (гусли), то всѣ животныя, рыбы, птицы и даже всѣ миоическіе боги собрались около него,

„Чтобы ту игру послушать,  
Чтобы, радуясь, дивиться“.

Не лишена „Kalevala“ и историческаго элемента. Такъ, напримѣръ, миоъ „О происхожденіи желѣза“ рисуетъ намъ ту эпоху, когда человѣкъ только что отсталъ отъ своихъ примитивныхъ каменныхъ орудіи, уступившихъ мѣсто металламъ.

Читается „Kalevala“ очень легко, такъ какъ она написана весьма красивымъ, музыкальнымъ, полнымъ самыхъ художественныхъ образовъ, слогомъ. Она переведена на всѣ европейскіе языки и даже на японскій. На русскій языкъ это капитальное произведеніе переведено весьма удачно А. Бѣльскимъ.

Слѣдуетъ, однако еще разъ замѣтить, что всѣ миоы, заключающіеся въ „Kalevala“, собраны не въ центральной Финляндіи, а на ея юго-восточныхъ окраинахъ, въ губерніяхъ: Выборгской, нынѣшней Архангельской (Бѣломорская Карелія) и частью Олонецкой (Повѣнецкій уѣздъ). Здѣсь же собранъ и другой сборникъ „Kanteletar“ (Кантэлетаръ), заключающій въ себѣ сказки, пѣсни, причитанія, лирическія стихотворенія, пословицы, поговорки и пр.

Всѣ эти произведенія не могли создаться собственно въ Финляндіи, т. е. у тавастовъ, эстеръ-ботнйцевъ, саволаксинцевъ и другихъ, если не совсѣмъ лишенныхъ, то все-же далеко уступающихъ въ поэтическомъ творествѣ предъ своими восточными сосѣдями-карелами. Одаренный, какъ мы уже сказали, чуткимъ и впечатлительнымъ умомъ, карель умѣлъ быстро и безошибочно схватывать всѣ явленія окружающей его природы. Такъ, лѣса, рѣки и озера съ ихъ обитателями, горы и долины, глубокая лазурь неба, небесныя свѣтила, атмосферныя явленія—все это оставляло неизгладимый слѣдъ въ поэтической душѣ карела, такъ ясно отразившейся въ его творествѣ.

Собираніе этихъ народныхъ произведеній въ Выборгской губерніи не прекратилось и до настоящаго времени. Даже датчане въ послѣднее время усиленно занялись собираніемъ карельскихъ поэтическихъ древностей. Что же касается губерніи Олонецкой (кромѣ Повѣнецкаго уѣзда) и большей части Архангельской, то, какъ мы знаемъ, народный эпосъ здѣсь носить уже чисто историческій характеръ, т. е. характеръ былинъ. Причина, почему здѣсь (главнымъ образомъ въ Олонецкой губерніи) не сохранились миоы, которые, можетъ быть, здѣсь и существовали, объясняется, навѣрное тѣмъ, что олонецкій карель развился раньше

своего сосѣла-финскаго карела, а поэтому скорѣе послѣдняго и забылъ свой первоначальный эпосъ.

Развитію же олонецкаго карела способствовали сношенія съ русскими. Въ то время, какъ финскій карель, никѣмъ не тревожимый, еще спокойно обиталъ среди дѣвственной природы, дававшей обильную пищу его живой фантазіи, олонецкому карелу то и дѣло приходилось сталкиваться съ русскими (новгородцами), которые, безъ сомнѣнія, наложили на него свой отпечатокъ. Смѣшавшись съ славянами, карелы быстро переняли отъ нихъ нравы, обычаи, костюмъ, а главное—языкъ. вмѣстѣ съ языкомъ карель заимствовала у славянъ же и сюжеты для своего новаго эпоса; всѣ тѣ преданія о богатыряхъ, которыя хранились у русскихъ, нашли громкій откликъ въ поэтической натурѣ карела, будучи слагаемы имъ въ стихотворную форму, форму сохранившуюся до насъ въ видѣ былинъ, историческихъ пѣсенъ и т. д. Вотъ почему большая часть послѣднихъ не сохранилась ни гдѣ въ другой части Россіи, а сохранилось именно здѣсь въ Олонецкомъ и Архангельскомъ краяхъ, у великороссовъ,—племени, образовавшагося отъ смѣшенія славянъ съ финнами (карелами).

Въ заключеніе слѣдуетъ подмѣтить, что и въ настоящее время еще не исчерпанъ весь запасъ здѣшной поэзіи. Но тѣмъ не менѣе, въ видахъ собиранія ея нужно спѣшить, такъ какъ, благодаря развитію образованія, постепенному улучшенію путей сообщенія, что облегчаетъ доступъ новизнѣ, а также многимъ другимъ причинамъ, знаніе былинъ и пѣсенъ здѣсь быстро падаетъ.

Н. Руотси.

## Человѣческія жертвоприношенія Вотяковъ.

Въ пяти губерніяхъ Европейской Россіи—Вятской, Казанской, Пермской, Уфимской и Самарской обитаютъ народности финскаго племени—*вотяки*. У нихъ—свой языкъ, свои вѣрованія и міровоззрѣнія.

Большинство вотяковъ—христіане, по болѣе по названію, обо они до сихъ поръ усердно исполняютъ свои „старые“ обычаи; до сихъ поръ у нихъ христіанская вѣра предъ старой, языческой, отступаетъ па второй планъ, особенно въ години эпидемическихъ болѣзней и сильныхъ недородовъ.

Въ настоящей статьѣ я намѣренъ познакомить почтеннѣйшихъ читателей съ обрядами человѣческихъ жертвоприношеній, существовавшихъ у вотяковъ въ прежнія времена, въ тѣ времена, когда грубый политеизмъ господствовалъ у нихъ въ полной силѣ. Я не говорю, что такіе обычаи у нихъ отошли уже въ область преданій; вѣдь, если мѣстами вотяки до сихъ поръ упорно держатся старины, то и нынѣ мѣстами грубые обычаи язычества могутъ повторяться.

До извѣстнаго въ свое время „Мултанскаго дѣла“ вотяками интересовались мало; только нѣкоторые изъ любителей этнографіи, болѣе при случайныхъ переѣздахъ по вотскимъ мѣстностямъ, записывали въ свои дорожныя тетради все то, что не могло не интересоваться ихъ, и по-